

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ
ШЕРАОК

ХОЛМС

Иллюстрации
ВЕНСАНА МАЛЪЕ

Перевод ВЛАДИМИРА
БАБКОВА

МИОО

МИФ Комиксы

Артур Конан Дойл
**Шерлок Холмс. Этюд
в багровых тонах**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

1887

УДК 8821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Шерлок Холмс. Этюд в багровых тонах / А. Дойл — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 1887 — (МИФ Комиксы)

ISBN 978-5-04-156358-5

Новый взгляд на самую первую повесть о Шерлоке Холмсе – 80 иллюстраций Венсана Малье в стиле жизнерадостной анимации раннего Хаяо Миядзаки. Все истории когда-то начинаются, и эта тоже. Шерлок Холмс – загадочная личность, талант которой еще не известен широкой публике, ищет соседа в съемное жилье на Бейкер-стрит. И когда по его объявлению является Уотсон, скептически настроенный к любым чудесным способностям, в том числе детективным, кажется, их пути сразу разойдутся. Тем временем в Лондоне одно за другим происходят сразу два убийства, мотив которых не ясен, а из улик есть только загадочное слово RACHE, которое преступник пишет кровью, и Уотсон впервые восхищенно наблюдает, как Шерлок Холмс расследует дело, корни которого уходят глубоко в прошлое. Так начинается невероятное соседство и дружба сыщика Шерлока Холмса, наделенного уникальной способностью замечать то, что ускользает от других, и отставного военного врача доктора Уотсона, надежного друга и рассказчика. Эта история о блестящем Шерлоке Холмсе впервые увидела свет в 1887 году. Персонаж стал чрезвычайно популярным, появившись в четырех повестях и 56 рассказах, прежде чем ворваться почти во все другие известные средства массовой информации – от сцены и экрана до видеоигр. В Книге рекордов Гиннесса Холмс назван самым изображаемым литературным персонажем в истории кино и телевидения. На русский язык рассказы адаптировал переводчик Владимир Бабков. Фишки книги • Одно из самых известных классических произведений жанра с новыми иллюстрациями и в новом переводе. • Именно с этого произведения начинается славная история Шерлока Холмса, известного лондонского сыщика, принесшего автору невероятную популярность. • Акварельные ретро-иллюстрации оживляют расследования знаменитого сыщика и погружают в лондонскую жизнь конца XIX века. • Подарочное издание с красивой обложкой, качественной

бумагой и твердым переплетом. • Первое совместное дело самого известного сыщика Шерлока Холмса и отставного военного врача доктора Уотсона. Для кого книга Для взрослых и детей от 12 лет. Для любителей остроумных детективных историй, невероятных ограблений и запутанных преступлений. Для поклонников книг и фильмов о Шерлоке Холмсе. Для любителей красочных акварельных иллюстраций и поклонников книжной иллюстрации.

УДК 8821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-156358-5

© Дойл А., 1887

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 1887

Содержание

ЧАСТЬ I. Из воспоминаний доктора Джона Х. Уотсона, отставного офицера медицинской службы	8
Глава первая. Мистер Шерлок Холмс	8
Глава вторая. Искусство дедукции	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артур Конан Дойл

Шерлок Холмс. Этюд в багровых тонах

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: La Première aventure de Sherlock Holmes, Une étude en rouge

Illustrated by Vincent Mallié

Published by arrangement with Daniela Bonerba and Sylvain Coissard Agency

© Editions Margot, 2022

© Владимир Бабков, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

ЧАСТЬ I. Из воспоминаний доктора Джона Х. Уотсона, отставного офицера медицинской службы

Глава первая. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

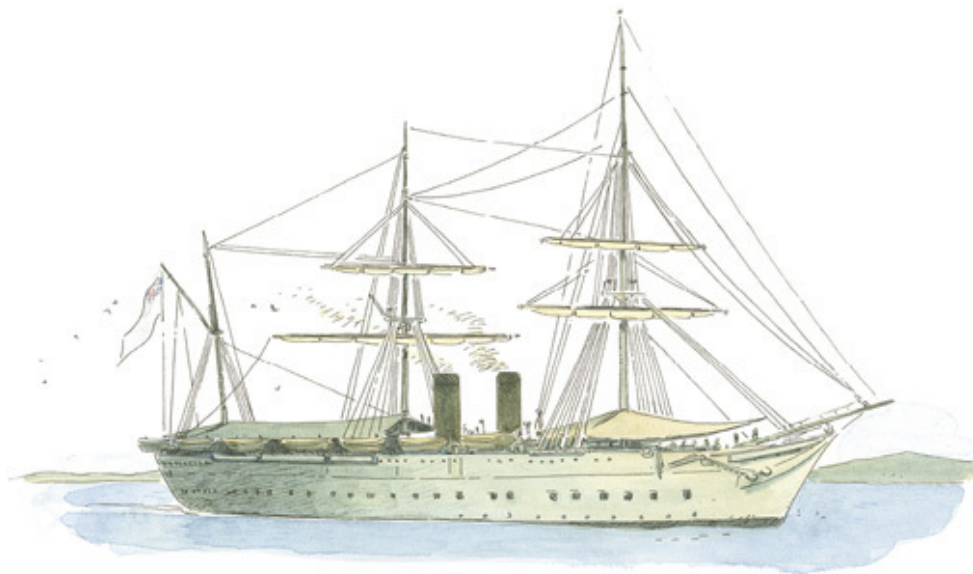
Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета – она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных *гази*¹, если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на выючную лошадь и сумел доставить живым в расположение британских войск.

¹ Гази – участники газавата, войны мусульман с неверными (здесь и далее – прим. пер.).

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдалцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в плимутской гавани с непо-

правимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер – точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стрэнде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона – настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

– Что вы с собой сделали, Уотсон? – спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. – Вы худой, как щепка, и желтый, как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев улечься до приезда в ресторан.

– Бедняга! – с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. – И чем же вы заняты теперь?

– Ищу жилье, – отвечал я. – Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

– Вот странно, – заметил мой спутник, – сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

– А кто был первым? – спросил я.

– Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, – говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она, как назло, ему не по карману.

– Отлично! – воскликнул я. – Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубивая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса, – сказал он. – А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

– Чем же он плох?

– Я не говорю, что он плох. Просто чужак – энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

– Учится на врача? – предположил я.

– Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов.

Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

– И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? – любопытствовал я.

– Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

– Рад буду с ним познакомиться, – сказал я. – Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

– Скорее всего, он сейчас в лаборатории, – отозвался мой собеседник. – Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

– Договорились, – ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

– Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, – сказал он. – Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

– Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, – добавил я, в упор глядя на своего спутника, – что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер, или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

– Трудно выразить невыразимое, – ответил он со смехом. – На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жаждой познания – настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида – не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

– Что ж, это похвально.

– Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

– Он избивает покойников?

– Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

– И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

– Нет. Одному Богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте – теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами, мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, ошестинившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек – он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

– Я нашел его! Нашел! – крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. – Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! – Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас Стамфорд.

– Здравствуйте! – сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вы побывали в Афганистане.

– Откуда вы знаете? – изумился я.

– Это пустяки, – усмехнувшись, сказал он. – Сейчас главное – гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

– С точки зрения химика это, наверное, интересно, – ответил я. – Но практически...

– Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровяные пятна? Подите-ка сюда! – Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. – Возьмем немного свежей крови, – с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. – Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневатый осадок.

– Ха-ха! – воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. – Как вам это нравится?

– Похоже, реактив очень чувствительный, – заметил я.

– Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровяных телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

– Неужели? – пробормотал я.

– Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это – кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

– Вас можно поздравить, – промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

– Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, – со смехом заметил Стамфорд. – Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

– И это было бы очень увлекательное чтение, – откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. – Мне приходится соблюдать осторожность, – продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. – Я ведь частенько вожусь с разными ядами. – Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

– Мы пришли по делу, – заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. – Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

– Я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, – сказал он. – Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

– Я сам курю «Корабельный», – ответил я.

– Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

– Ни в коей мере.

– Дайте-ка сообразить... какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

– Я держу щенка бульдога, – сказал я, – и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет лучше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

– А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? – с тревогой спросил он.

– Все зависит от того, как играть, – ответил я. – Хорошая скрипичная музыка – это дар богов. Ну а плохая...

– Тогда все в порядке, – сказал он с довольным смехом. – Думаю, можно считать дело решенным – конечно, если квартира придется вам по вкусу.

– Когда на нее можно будет взглянуть?

– Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, – предложил он.

– Хорошо. Итак, ровно в полдень, – сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, – как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

– Это его маленький секрет, – сказал он. – Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

– Так, значит, секрет? – воскликнул я, потирая руки. – Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»², верно?

– Ну-ну, изучайте, – сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. – Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

– До свиданья, – ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

² Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

Глава вторая. Искусство дедукции

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживатьсь и привыкать к новому окружению.

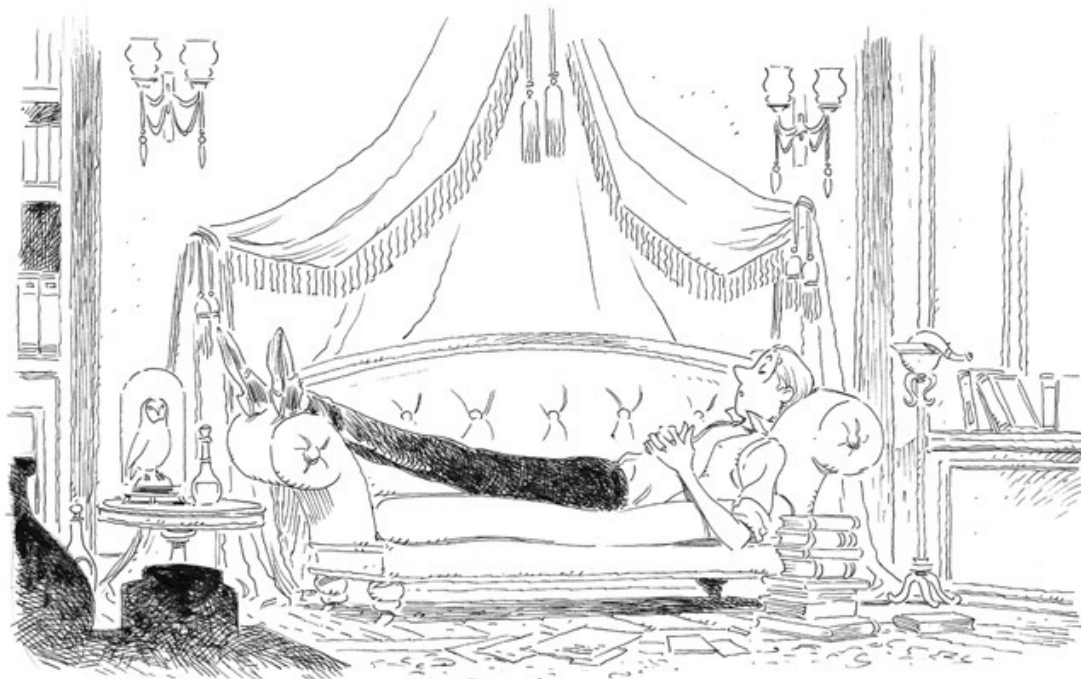
Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция, и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь

наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробежала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал, а тонкий ястребиный нос

придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину – он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным, и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имея он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подробной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обременять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апогея, когда я случайно обнаружил, что

он не знаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца – в это я просто не мог поверить.

– Вы, кажется, удивлены, – сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. – Но теперь, когда вы поделились со мной этими ценными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

– Забыть?

– Видите ли, – объяснил он, – человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак натащит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей – поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество, и все разложены по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой маленькой комнатки резиновые стены и их можно растягивать до бесконечности, – серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

– Но не знать о Солнечной системе! – возразил я.

– Да на кой черт она мне сдалась? – нетерпеливо перебил он. – Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос задавать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС – ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

Знания в области литературы – нет.

Знания в области философии – нет.

Знания в области астрономии – нет.

Знания в области политики – минимальные.

Знания в области ботаники – отрывочные. Прекрасно знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. Полный профан в садоводстве.

Знания в области геологии – конкретные, но ограниченные. С первого взгляда отличает друг от друга различные типы почвы. После прогулок показывал мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определял, из какой они части Лондона.

Знания в области химии – основательные.

Знания в области анатомии – точные, но бессистемные.

Знания в области криминальной литературы – огромные. Знает, кажется, подробности всех громких преступлений нашего столетия.

Хорошо играет на скрипке.

Профессионально фехтует и боксирует.

Неплохо разбирается в британских законах с практической точки зрения.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! – подумал я. – Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убедился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером, устроившись в кресле,

он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку на колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное, я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.